

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО
ЯЗЫКА

الخصائص اللغوية والبراجماتية للتأثير المتبادل في خطاب الإجراءات
القضائية في اللغة الروسية

Dr. Mohammed Ali Saleh
Teacher of the Department of Slavic Languages
Al-Alsun Faculty - Ain Shams University

د. محمد علي صالح
مدرس بقسم اللغات السلافية - شعبة اللغة الروسية
كلية الألسن - جامعة عين شمس

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Статья раскрывает содержание понятия «судебно-процессуальный дискурс», которое характеризует статусно-ориентированное (институциональное) взаимодействие участников судебного процесса в соотношении с системой ролевых предписаний и поведенческих норм в установленных правом ситуациях институционального общения. Исследуются важнейшие системообразующие признаки судебного-процессуального дискурса, а также его главные функции. Особое внимание автор уделяет основным коммуникативным стратегиям и тактикам, способствующим реализации коммуникативных целей (к которым относятся: стратегия получения достоверной информации, стратегия убеждения, избличение во лжи, стратегия склонения к признанию и др.).

Ключевые слова и фразы: судебно-процессуальный дискурс; функции дискурса; институциональные действия; стратегии и тактики; лингвопрагматические особенности.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Одним из самых неоднозначных и в то же время широко применяющихся в лингвистике, литературоведении, философии и других науках терминов является термин «дискурс» (*фр.* «*discours*», *англ.* «*discourse*», *от лат.* «*discursus*» – бег взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор), который, как правило подразумевает [8]:

- 1) целостный текст в контексте экстралингвистических, прагматических, социокультурных и психологических факторов;
- 2) языковое сообщение, рассматриваемое в виде целостного социально обусловленного действия;
- 3) систему, в основе которой лежит взаимодействие людей и механизмы их сознания (когнитивные процессы).

Согласно англо-американской лингвистической традиции, под дискурсом понимается связная речь (*connected speech*), при этом дискурс приравнивается к диалогу. Соответственно, дискурсивный анализ (*discourse analysys*) направлен, главным образом, на устную коммуникацию, на интерактивную взаимосвязь говорящего и слушающего [3]. Так, Т. А. ван Дейк отмечает, что дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, характеризующееся понятием коммуникативных событий или актов [4]. Рассмотрение дискурса как коммуникативного явления подразумевает трактовку текста в его соотношении с субъектом речи, временем и местом коммуникационных процессов.

В русской научно-исследовательской литературе дискурс, чаще всего, рассматривается как важнейший элемент культуры и социальных отношений, поэтому значительно усложняется и расширяется представление о закономерностях формирования и передачи информации в дискурсе. В частности, Н. Д. Арутюнова утверждает, что дискурс, взятый в событийном аспекте, представляет собой связный текст, который характеризуется рядом экстралингвистических (прагматических, социокультурных,

психологических и пр.) факторов. Кроме того, дискурс – это речь, которая является целенаправленным социальным действием, компонентом, участвующим во взаимодействии людей и когнитивных процессов [1]. Иными словами, дискурс – это речь, которая погружена в саму жизнь.

По мнению Ю. С. Степанова, дискурс сочетает в себе тексты с особой грамматикой, особым лексиконом, особыми правилами словоупотребления и синтаксиса и с особой семантикой. Дискурс, по его мнению, диктует «свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет»; и каждый дискурс представляет собой отдельный мир [12]. В. Е. Чернявская рассматривает данный термин по следующим направлениям [14]:

- дискурс – конкретные коммуникативные события, фиксирующиеся в когнитивном и коммуникативном пространстве;
- дискурс – определенная совокупность текстов, связанных между собой стилистически, лексически и тематически.

Существует множество работ лингвистов, которые рассматривают понятие дискурса в контексте политики, юриспруденции, медицины, рекламы, истории, социологии, национальной и идеологической принадлежности, и т.д. Этот ряд может продолжаться практически бесконечно. Всплеск интереса к данному феномену мы можем наблюдать в 90-е гг. XX века, когда текстовый анализ был заменен анализом дискурса [2]. На основе анализа ряда научно-исследовательских работ, приходим к выводу, что сегодня существует два основных направления к пониманию дискурса:

1. Дискурс предполагает конкретные коммуникативные события, фиксирующиеся в письменных текстах и устной речи, осуществляющиеся в определенном коммуникативном пространстве. Т.е. прототипический характер коммуникации открывается в соотнесенности с конкретной моделью сложения текста и его восприятия. Коммуникативной деятельностью и продуктами этой деятельности являются тексты, которые соотносятся с определенной ментальной сферой, сосредоточивающей в себе определенные знания.

Речь, в данном случае, рассматривается не только как целенаправленное социальное действие, но и как компонент, который взаимодействует с людьми и механизмами их сознания. Иными словами, дискурс позволяет найти ответ на вопрос о том, как элементы коммуникативного процесса (автор сообщения, его адресат, сфера коммуникации, канал сообщения, интенция и т.д.), отображаются во внутритекстовой организации [7] и определяют в ней специфическую упорядоченность языковых систем.

Следует также отметить, что дискурс в форме лингвистической категории не дублирует и не заменяет понятия «текст». Дискурс подразумевает процесс (коммуникативного и ментального качества), который приводит к созданию определенной формальной конструкции – т.е. текста. Конкретные тексты позволяют создать эмпирический базис для описания дискурса, которое, в свою очередь, включает в себя не только описание пропозициональных и иллокутивных аспектов, но и информации об организации коммуникативно-когнитивных процессов, приводящих к созданию данных текстов.

2. Дискурс характеризуется совокупностью тематически схожих текстов: иными словами, тексты, объединенные в дискурс, как правило, имеют одну общую тему [2]. Содержание (или тема) дискурса определяется не одним отдельным текстом, а за счет интертекстуальности, в комплексном взаимодействии отдельных текстовых единиц.

С этой точки зрения, дискурс характеризуется комплексной взаимосвязью многих текстов (типов текста), которые действуют в пределах одной и той же коммуникативной сферы. При этом некоторые социально и исторически сложившиеся области человеческого знания и коммуникации рассматриваются как специальные дискурсы или в другом терминологическом ключе, типе дискурса [8]. И здесь один из важнейших вопросов – каким образом обеспечивается тематическая целостность дискурса, т.е. какие языковые компоненты отдельных текстов являются общими, типичными для дискурса в целом, а также какие виды текста репрезентируют данный дискурс.

Значение данных двух основных направлений к пониманию дискурса заключаются в том, что они обращают внимание на разные стороны одного и того же познаваемого явления. Так, в первом обозначении дискурса акцент делается на конвенциональном характере коммуникации: конкретное коммуникативное событие осуществляется в соответствующем когнитивно и типологически заданном пространстве [5], т.е. привязано к определенному, прагматическому, ментальному условию порождения и восприятия сообщения и определенным моделям образования текстов.

Второе определение подразумевает рассмотрение дискурса как целой совокупности тематически соотнесенных текстов. В этом случае дискурс предполагает те коммуникативные пространственные категории, которые возможны лишь во взаимодействии определенных типов текста, и, соответственно, которые согласуются с областью «притяжения» дискурса, содержащей не одно коммуникативное (дискурсивное) событие, а целый комплекс, во взаимосвязи [8].

Таким образом, однозначного определения понятию «дискурс», которое смогло бы охватить все его стороны, не существует. Возможно, именно это и способствует большой популярности, приобретенной этим термином в последнее время. На наш взгляд (в рамках данной статьи, предметом исследования которой являются лингвопрагматические особенности судебного-процессуального дискурса), наиболее тесно соотносится с рассматриваемой темой определение «дискурса» Степанова: дискурс – это комплекс речевых произведений, который используется «в институциональных рамках, накладывающих сильные ограничения на акты высказывания» [12]. В нашей работе мы будем придерживаться именно этого направления мысли.

Исследование дискурса с точки зрения «статусно-фиксированного общения», подразумевает его (дискурса) разделение на два типа [5]:

1. Личностно-ориентированный тип дискурса.

Определяется тем, что в нем задействованы коммуниканты, которые хорошо знают друг друга, и которые могут раскрывать друг другу свой внутренний мир. Напр.:

2. Статусно-ориентированный тип дискурса.

Определяется тем, что в нем коммуникация сводится к диалогу представителей определенных социальных групп, иными словами, данный тип дискурса характеризует институциональное языковое взаимодействие, «общение» институтов друг с другом, с людьми, которые реализуют свои статусно-ролевые возможности в контексте сформировавшихся социальных институтов. Напр.:

«Судья Петрова Т.Г.: Ленинским районным судом рассматривается заявление Грошева Игоря Львовича ... согласно 202 статьи ГПК РФ. В судебное заседание явился заявитель, пожалуйста, Игорь Львович, проживаете по адресу, обозначенному в прописке?

Грошев И.Л.: Да. <...>

Судья Петрова Т.Г.: Пожалуйста, сторона истца.

Стародумов В.А.: Стародумов Вячеслав Анатольевич, доверенность постоянная, копия в деле имеется.

Судья Петрова Т.Г.: И работаете...

Стародумов В.А.: Адвокат. <...>

Судья Петрова Т.Г.: Присаживайтесь (зачитывает документы, подтверждающие полномочия). Оглашается состав суда: заявление рассматривается под председательством федерального судьи Петровой Т.Г. и секретаря судебного заседания Баженовой С.П.» (Стенограмма заседания Ленинского районного суда города Тюмени от 15.09.2009).

В большей степени нас интересует второй тип дискурса – статусно-ориентированный (институциональный), поскольку именно к нему относится судебно-процессуальный дискурс, являющийся статусно-ориентированным (институциональным) взаимодействием его участников в соотношении с системой ролевых предписаний и поведенческих норм в установленных правом ситуациях институционального общения. При этом право (как социальное образование) обуславливает порядок общественных отношений за

счет устойчивой структуры правовых институтов [9]. Судебно-процессуальный дискурс – это уникальное явление, сочетающее в себе «статусно-фиксированное общение» (цель которого – осуществить профессиональную юридическую деятельность), и языковую основу институционального типа дискурса [5]. По своему характеру судебно-процессуальный дискурс представляет собой неоднозначное и исторически изменчивое явление.

Особое семантическое пространство судебно-процессуального дискурса занимает система организации юридических институтов, влияющая на сознание участников коммуникации за счет стереотипизации их (участников) поведения на разных уровнях [12]. Иными словами, судебно-процессуальный дискурс подразумевает некую коммуникативную деятельность, которая является одним из компонентов общей системы институциональных дискурсов, и которая обладает особыми дискурсивными признаками.

В сравнении с прочими типами дискурса, судебно-процессуальный практически не содержит межличностного общения, поскольку взаимодействие его участников, как правило, осуществляется на уровне прав и обязанностей, а также их соблюдения или нарушения. К основным признакам судебно-процессуального дискурса относятся [6]:

1) устойчивое взаимодействие субъекта с дискурсивным экспертным сообществом (ДЭС), культурной средой, где формируется дискурс; традициями конкретного сообщества, устанавливающими степень институционализации субъекта. Напр.:

«Судья Морозова: Присаживайтесь, пожалуйста. Судебное заседание продолжено. Секретарь судебного заседания, доложите, пожалуйста, кто явился, кто не явился в судебное заседание.

Мелехина: Государственный обвинитель Попова Татьяна Викторовна явилась. Подсудимый Орлов Олег Петрович явился. Защитник Резник Генри Маркович явился. Представитель потерпевшего Красненков Андрей Анатольевич явился. Свидетели Каримов Альви Ахмадович явился, Хучиев

Муслим Магомедович явился, Джамиев Салавди Умархажиевич тоже явился.

(Судья Морозова просит журналиста убрать микрофон с трибуны).

Судья Морозова: Андрей Анатольевич, заявляйте ходатайства по поводу вызова и допроса свидетелей.

Красненков: Да, Ваша честь» (Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова).

2) деперсонализация, которая обусловлена чувством отчуждения у субъекта своих собственных мыслей, действий, своего «я». Напр.:

«Судья Морозова: Олег Петрович, правильно?»

Орлов: Да, абсолютно правильно.

Судья Морозова: Хорошо, присаживайтесь, пожалуйста. Вам разъясняются Ваши права и обязанности, предусмотренные статьей 56 УПК РФ. Свидетель вправе: отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга или супруги и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 УПК РФ; при согласии свидетеля дать показания Вы должны быть предупреждены о том, что Ваши показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае Вашего последующего отказа от этих показаний; давать показания на родном языке или языке, которым владеете; пользоваться помощью переводчика бесплатно; заявлять отвод переводчику, участвующему в Вашем допросе; заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия или бездействие суда; являться на допрос с адвокатом в соответствии с частью 5 Статьи 189 УПК РФ, ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных частью 3 статьи 11 УПК РФ. Свидетель не вправе: уклоняться от явки по вызову в суд, давать заведомо ложные показания либо отказываться от дачи

показаний. В случае уклонения от явки без уважительных причин свидетель может быть подвергнут приводу. <...>

(Каримов подходит к секретарю и дает подписку).

Судья Морозова: Право допроса свидетеля предоставляется представителю потерпевшего Красненкову Андрею Анатольевичу» (Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова).

3) стереотипные коммуникативные ситуации (судебное слушание, составление завещания и т.д.). Напр.:

«Судья Морозова: Добрый день. Проходите, пожалуйста. Будьте добры Ваш паспорт. Назовите, пожалуйста, свою фамилию, имя и отчество.

Каримов: Каримов Альви Ахмадович.

Судья Морозова: Дата рождения.

Каримов: 2 октября 1950 года.

Судья Морозова: Место рождения Ваше.

Каримов: Город Зеленогорск.

Судья Морозова: Место жительства Ваше.

Каримов: Место жительства – Москва.

Судья Морозова: Гражданство Ваше.

Каримов: Россия.

Судья Морозова: Образование.

Каримов: Высшее.

Судья Морозова: Семейное положение, состав семьи.

Каримов: Женат, жена и четверо детей.

Судья Морозова: Место работы или учебы.

Каримов: Пресс-секретарь – начальник информационно-аналитического управления главы и правительства Чеченской Республики» (Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова).

4) нормативная определенность правовых коммуникаций, контроль над соблюдением особых норм коммуникаций [5];

шаблонность или ритуальность коммуникационного процесса.
Напр.:

«Джамиев (Орлову): Можно Вам задать вопрос?»

Судья Морозова: Олегу Петровичу нельзя задавать вопросы.

Джамиев: (неразборчиво)

Орлов: Ваша честь, я протестую...

Судья Морозова: Олег Петрович, он не задает Вам никаких вопросов. Говорите, пожалуйста, что Вы хотели сказать, Салавди Умархажиевич» (Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова).

5) фиксированность стратегий коммуникации. Напр.:

«Судья Морозова: То есть конкретно Вам ни о каких лицах, ни о каких людях, которые ей там говорят угрожающие слова и так далее Вам не известно?»

Светога: Нет.

Судья Морозова: Это Вы просто сделали вывод из того...

Светога: Да, я сделала вывод.

Судья Морозова:... Из того, что она уехала.

Светога: Да, я сделала вывод, потому что она уехала на несколько месяцев, и она говорила о том, что «я все равно вернусь, потому что там моя работа, там мое дело жизни, я буду этим заниматься». Мне кажется, я ей тоже говорила: «Ну, а зачем, если там опасно?»»

Судья Морозова: Поправьте меня, если я ошибусь. Вы перед этим сказали, что: «Да, мне известно, что она опасалась за свою жизнь». Так Вы сказали?

Светога: Она говорила, что «мне там опасно». Конкретно не называла, говорила: «Но я все равно туда поеду, – вот такой у нас был разговор. – Потому что это моя работа, я не хочу»... У меня такое ощущение было, что она на время уехала, что она не хочет оттуда бежать.

Судья Морозова: Зоя Феликсовна, у меня сейчас будут к Вам... как человек сухой юридической профессии. Смотрите, Вы в самом начале своего допроса рассказали о том, что к Вам подошла женщина, узнала, что Вы пойдете на встречу к Рамзану Ахматовичу...

Светова: Ко мне она не подходила» (Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова).

б) ограниченный характер номенклатуры жанров. Напр.:
«Адвокат Резник: Заявляем ходатайство о дополнительном допросе свидетеля Ганнушкиной по очень конкретному вопросу – как раз по работе Натальи Эстемировой в этом Совете. Светлана Алексеевна здесь, и один очень важный вопрос, который нам нужно выяснить, все-таки насколько самостоятельна была Наталья Эстемирова в своей деятельности в грозненском Общественном Совете и могла ли она принимать какие-либо решения, о которых здесь говорили свидетели обвинения, относительно работы или неработы в Совете. Мы специально пригласили Светлану Алексеевну. Сегодня было совещание при президенте, куда она входит в Совет, вот она приехала. Полагаю, что допрос ее займет буквально немного времени.

Судья Морозова: То есть Вы заявляете ходатайство о повторном допросе?

Адвокат Резник: Да, повторный допрос. И, кроме того, Светлана Алексеевна прояснит нам все-таки ситуацию с возможностью расследования дел о похищениях и исчезновениях людей с определенной ссылкой на источники, которые ей стали известны. <...>

Судья Морозова: А, за дверью... Хорошо. С учетом мнения сторон суд постановил допросить повторно свидетеля Ганнушкину. (Ганнушкиной) Проходите, пожалуйста. Будьте добры Ваш паспорт. Я обязана буду Вам повторно разъяснить права. Назовите, пожалуйста, свою фамилию, имя и отчество»

(Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова).

Основная цель, которую «ставит» перед собой судебно-процессуальный дискурс, заключается в раскрытии главных концептов данного дискурса (в т.ч.: справедливости, преступлении и наказании, судебной практики, представления о праве и т.д.). Эти концепты характерны для судебно-процессуального дискурса большинства стран, однако они обладают определенной спецификой в рамках каждой отдельной страны (это касается и различных ментальных структур, и терминов, и понятий [9]).

Так, в русском уголовно-процессуальном праве такое понятие, как «обвиняемый» подразумевает «лицо, в отношении которого вынесены постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого либо обвинительный акт» (ч. 1 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ), т.е. это лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование с того момента, как обвинение в совершении преступления было официально сформулировано и оформлено в виде соответствующих документов (постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт).

В соответствии с ч. 2. ст. 47 УПК РФ: «Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным. Обвиняемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, является оправданным». Т.е., понятие «обвиняемый» включает в себя не только понятие «виновный», но и «невиновный». Например, французское судебное производство вынуждено было отказаться от данного понятия, поскольку оно (понятие) говорит лишь о возможности вины человека, но не подразумевает возможности его невиновности. Поэтому его заменили на «лицо, привлеченное к рассмотрению», что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на коммуникативные сценарии дискурсов разных языков [10].

Судебно-процессуальный дискурс привлекает внимание лингвистов различных направлений, в т.ч. работающих в

области речевой прагматики. Так, по мнению исследователей, жесткая регламентация судебного-процессуального дискурса базируется на решении целого ряда задач, связанных с выбором стратегии речевого поведения, что в условиях судебного заседания приобретает особые черты речевого взаимодействия [15]. Такое речевое взаимодействие напрямую влияет на характер выносимых судом решений, объективность которых зависит от коммуникативной компетенции, где основными элементами являются прагматические пресуппозиции, определяющие правила и нормы судебного-процессуального дискурса.

Речевое взаимодействие, характеризующееся столкновением интересов, требует от коммуникантов навыков и умений стратегического планирования, оперативной оценки ситуации, а также принятия важных решений. Особое явление судебного-процессуального дискурса – это коммуникативный срыв, который представляет собой ситуацию, когда коммуникативная неудача одного участника судебного заседания оказывается удачей для другого [10]. Таким образом, судебно-процессуальный дискурс, являясь подвидом юридического дискурса, представляет собой широкое поле для анализа и изучения.

Определяется судебно-процессуальный дискурс за счет важнейших системообразующих признаков, одним из которых является *цель*, позволяющая разрешать любые правовые конфликты в соответствии с действующим законодательством [13]. Еще один важнейший признак судебного-процессуального дискурса – *участники*. К участникам относятся:

- Клиенты (лица, обращающиеся к институтам);
- Агенты (лица, представляющие институты: обвиняемые / обвинители).

Кроме того, к участникам судебного-процессуального дискурса также относятся адвокаты, сотрудники правоохранительных органов, нотариусы и т.д. Основное их отличие заключается в качестве и предписаниях поведения, основанных на статусе участников [5]. Деятельность участников судебного-процессуального дискурса в рамках данных предписаний поведения называются

институциональными действиями (внешне выраженными, целенаправленными, влекущими за собой определенные правовые последствия, актами участников дискурса [13]).

Институциональные действия имеют определенную внутреннюю логику, которая обуславливается целями, нормами, агентами, обстоятельствами и т.д. Кроме того, действия участников дискурса могут быть институционально объективированы в виде текстов-документов (в т.ч.: обвинительных актов, протоколов судебных заседаний и т.д.). Институциональные действия участников судебно-процессуального дискурса напрямую связаны с его функциями [6]:

1. Интерпретационная функция.

Позволяет интерпретировать коммуникативные действия участников судебно-процессуального дискурса, а также целый комплекс правовых текстов (документов) в рамках «институциональной реальности»;

2. Информативная функция.

Определяет генерирование, трансляцию и ретрансляцию смыслов [9], обуславливающих действия тех или иных институтов, другими словами, формирует информационные потоки в институциональном коммуникативном пространстве;

3. Регулятивная функция.

Формирует и устанавливает нормы и ценности, отвечающие действиям института и общества, агентов и клиентов, агентов внутри института;

4. Презентационная функция.

Позволяет создать имидж (привлекательность для общества) института и его агентов, а также авторитета права;

5. Кодовая функция.

Обуславливает создание специального языка, направленного, прежде всего, на выполнение целей и задач институциональной деятельности, а также на определение границ между агентами и клиентами судебно-процессуального дискурса.

6. Стратегическая функция.

Характеризуется наличием нормативно установленных коммуникативных стратегий и тактик, создающих все необходимые условия для реализации коммуникативных целей. К основным стратегиям и тактикам судебного-процессуального дискурса относятся [15]:

- Изобличение во лжи (стратегия характерна для всех участников судебного-процессуального дискурса, которые стремятся «выиграть любой ценой», при этом отстаивая истину, не только личные интересы подзащитного; среди коммуникативных тактик данной стратегии: логическое доказательство, намек, искажение, неожиданность и др.). Напр.:

«Судья: Следователь, ваше мнение.

Следователь: Я считаю нет необходимости повторного рассмотрения, вопрос уже полностью рассмотрен.

Судья: С учетом мнения участников процесса суд постановил продолжить рассмотрение апелляционной жалобы без повторного исследования материалов дела, которые исследовались судом первой инстанции, также подробно изучены судом апелляционной инстанции. Участники процесса вправе ссылаться на материалы дела, которые были исследованы судом. Следователь, Вы свое ходатайство вменяете?

Следователь: Да, я хотел бы.

Судья: Есть такое постановление?

Следователь: Постановление о привлечении в качестве обвиняемого» (Стенограмма заседания Московского городского суда 10.04.17).

- Психологическое воздействие (как правило, данная стратегия используется всеми участниками судебного-процессуального дискурса, она представляет собой вербальный инструмент получения информации, а также достижения целей (прокурор воздействует на подсудимого с целью признания им вины, адвокат – на судью или присяжных с целью защиты клиента, судья – для установления истины); среди основных тактик стратегии: угроза, давление, выговор, критика и др.). Напр.:

«Адвокат: Сколько раз буквально касался всех обстоятельств заявленной жалобы, все тезисы остаются прежними. Говорить о правовом обосновании сейчас, мне кажется не совсем правильно потому, что мы говорим сейчас в первую очередь о недопустимости самого факта вынесения такого решения. Поскольку, как известно у нас в силу требования процессуального закона независимо от содержания доказательств, если они получены с нарушением закона, то они не могут быть использованы, не могут быть приняты и не могут быть предметом рассмотрения в суде. В данном случае мы считаем, что это напрямую касается ходатайства об отстранении Игоря Сергеевича Пушкарева от должности. Как мы уже неоднократно говорили, все доводы, поддерживая позицию господина Пушкарева, свидетельствуют о том, что он на кого-то влияет, нет оснований и являются голословными. Все вопросы, связанные с обвинением, я считаю, не имеют никакого отношения к предмету рассмотрение в суде апелляционной инстанции. Также мы хотели отметить, что мы не ведем вопрос о виновности или невиновности, мы говорим о том, что процессуальная процедура нарушена, срок истек. Единственным путем, как мы видим, может быть исправлено повторное обращение, вынесение постановления в полном соответствии с уголовным процессуальным кодексом части второй статьи 114-й. в течение 48 часов. У нас все, мы не будем вдаваться в подробности.

Судья: Пожалуйста, еще какие-нибудь дополнения?

Пушкарев: Ваша честь, я поддерживаю то, что сказал мой защитник, но хочу просто обратить еще раз внимание, например, господин следователь, выступая, сказал, что, будучи арестованным, я позвонил адвокату и потом позвонил, и сказал Д., свидетелю по моему делу. Но как я мог позвонить из «Матросской тишины»? Если бы я это сделал, я бы, наверное, окончательно уже сидел, никуда бы не имел даже шанса выйти. В очередной раз я просто обращаю ваше внимание, как

следователь передергивает, просто черное называет белым» (Стенограмма заседания Московского городского суда 10.04.17).

- Обвинение (стратегия обуславливает речевое поведение прокурора, как одного из участников судебного-процессуального дискурса, т.е. речь прокурора должна базироваться на неоспоримых фактах, которые и являются основой для доказательства вины подсудимого; к важнейшим тактикам данной стратегии относятся: логические доказательства, констатация фактов, критика действий подсудимого, отрицательная характеристика и др.). Напр.:

«Судья: Спасибо, пожалуйста, следователь.

Следователь: Все, что мы сейчас услышали от защиты и от обвиняемого, в основе своей – это эмоциональное выступление и по-видимому во всем, что происходит с обвиняемым виноваты все кроме него самого. Итак, теперь процессуальная сторона. Относительно закона следствие также, как и сторона защиты, считает, что все было по закону. В действительности срок предусмотренный статьей 114-й частью второй УК РФ был соблюден и не нарушен судьей. Судья бы не стал рассматривать поступивший материал, если бы он поступил не в срок, как это предусмотрено 114-й статьей. Поступил действительно седьмого числа, привозил данный материал в суд я, никто красными пятнами не покрывался. <...> Что касается иных доводов защитников Высоцкого и Третьякова, можно отметить, что избрание в отношении Пушкарева Игоря Сергеевича меры пресечения в виде заключения под стражу не препятствует отстранению от должности. Если действительно имеются основания полагать, что обвиняемый Пушкарев Игорь Сергеевич продолжает находиться на занимаемой должности даже находясь под стражей, обладает как должностное лицо соответствующими распорядительными служебными полномочиями и функциями, может создавать таким образом препятствия производству по уголовному делу, в том числе и через своих защитников, подписывая какие-либо документы. Поскольку ряд свидетелей находится в его прямом или непосредственном подчинении. С

учетом занятых позиций по делу, используя свои служебные полномочия по приему увольнению с муниципальной службы, может воздействовать на свидетелей. Да, действительно Пушкареву Игорю Сергеевичу предъявлено обвинение в окончательном варианте, завершено расследование, все свидетели <...> допрошены» (Стенограмма заседания Московского городского суда 10.04.17).

- Защита (стратегия определяется совокупностью речевых действий адвоката или свидетеля защиты, использующихся (действий) в ходе судебного разбирательства с целью опровержения обвинения или же смягчения ответственности подсудимого; среди основных тактик стратегии выделяются: положительная характеристика подсудимого, отрицание вины и др.). Напр.:

«Судья: Переходим к судебному заседанию. Слово предоставляется адвокату.

Адвокат: Уважаемый суд, уважаемые участники судебного процесса. Я представлял интересы Пушкарева Игоря Сергеевича в суде первой инстанции, отстаиваю и сейчас. Наша позиция остается абсолютно неизменной, поскольку совершенно очевидно, что все мы юристы, все мы оперируем только документам, которые мы имеем в наличии. В ходатайстве, которое рассматривалось и сейчас является предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции, поставлен штамп регистрации данного ходатайства, на котором указана дата поступления 6 марта 2017 года. Между тем статья 114 УК РФ четко указывает, что ходатайство может быть рассмотрено и постановление о его удовлетворении или отказе может быть вынесено не позднее чем в 48 часовой срок с момента его поступления. Поскольку данные правоотношения относятся к сфере публичных правоотношений, обязанность доказывать, обосновывать законность всех действий со стороны обвинения, но обвинением никаких ходатайств представлено не было. Вплоть до того, что материал был рассмотрен не с соблюдением установленного законом срока. <...> Таким образом, мы полагаем, что на рассмотрение ходатайства срок истек и суд не

имел выносить по результатам рассмотрения вообще никакого постановления. Ни об отказе, ни об удовлетворении ходатайства. Мы полагаем то, что данное нарушение может быть исправлено только одним путем – в случае, если следствие заново обратиться в суд и суд рассмотрит данное ходатайство в строгом соответствии с действующим законодательством. Данный срок по-нашему является присекательным, поскольку не зря установлен 48 часовой срок. Закон есть закон, и он обязателен для всех. Мы настаиваем только на одном, чтобы требования закона были соблюдены» (Стенограмма заседания Московского городского суда 10.04.17).

Следует отметить, что сторона обвинения довольно часто прибегает к стратегии изобличения во лжи, которая широко применяется обвинением с целью противостояния адвокатам защиты. В свою очередь, адвокаты зачастую, как правило, используют, разнообразные тактики для достижения своих целей, комбинируя логические доказательства с эмоциональными воздействиями на судью и присяжных [9]. Несмотря на то, что судебно-процессуальный дискурс строго регламентирован, всем участникам в каждый момент судебного заседания приходится принимать решение, касающиеся выбора дальнейших стратегий и тактик.

Очевидно, что коммуникативная деятельность в судебно-процессуальном дискурсе планируется, тем не менее, избранные стратегии и тактики не могут гарантировать эффективность и успешность речевого взаимодействия, так как любой прагматический фактор может внести свои корректировки [6]. Кроме того, на выбор стратегий и тактик в судебно-процессуальном дискурсе может повлиять [13]: процессуальный статус юриста, процессуальный статус и поведение допрашиваемого (обвиняемого), тип вопроса (конфликтный, бесконфликтный) и др.

Речевое поведение всех участников судебно-процессуального дискурса характеризуется единством социальных (институционально-обусловленных) и индивидуальных особенностей (индивидуально-личностная обусловленность)

поведения [15], притом, что сочетаются социальные и индивидуальные особенности в соответствии с процессуальным статусом участников, а также с характером судебного разбирательства. Таким образом, по характеру поведения участников судебно-процессуального дискурса тактики стратегий могут быть разделены на [11]:

- Институционально-обусловленные (тактики, использующиеся судьями с целью общего контроля над проведением судебного заседания и вынесения приговора; а также обвиняющей стороной для получения достоверной информации от участников процесса и доказательства вины или невиновности обвиняемого). Напр.:

«Судья: Дмитрий Анатольевич, вот это постановление в качестве обвинения в связи с чем?»

Следователь: Данное постановление я прошу приобщить к просмотренным материалам с изменением и объемом обвинения Пушкарева Игоря Сергеевича, и это является дополнением к рассматриваемому ходатайству, связанным с изменением обстановки, в связи с окончанием расследования уголовного дела.

Судья: Еще что-то приобщить?

Следователь: Нет, это все.

Судья: Ну, фактически защита выступила. На рассмотрение суда оставляем?

Адвокат: Данное решение да, на рассмотрение суда.

Судья: Прокурор?

Прокурор: Я не возражаю в приобщении дополнений.

Судья: Игорь Сергеевич, ваше мнение.

Пушкарев: Ваша честь, я прошу у моего адвоката мне пояснить, что за новые обвинения?

Следователь: Это не новые обвинения.

Адвокат: Игорь Сергеевич, постановление о включении в качестве обвиняемого, которое от 28 марта 2017 года, следствие хочет его приобщить.

Пушкарев: Я не возражаю, ваша честь.

Судья: С учетом мнения участников процесса суд постановил ходатайство следователя Гаврилова Дмитрий Анатольевича удовлетворить, приобщить представленные им выступление в письменном виде, которые он озвучил на судебном заседании и копию, она заверено надлежащему образом о привлечении в качестве обвиняемого 28 марта 2017 года» (Стенограмма заседания Московского городского суда 10.04.17).

- Индивидуально-личностные (тактики, использующиеся судьями и проявляющиеся в манере ведения заседания, анализе уровня компетентности участников процесса, формулировании провокационных вопросов, выражений, содержащих информацию психологического воздействия; государственными обвинителями – в манере ведения допроса, употреблении оценочной лексики, научных терминов, наводящих вопросов; адвокатами защиты – с целью доказательства невиновности своего подзащитного, при этом адвокаты используют целый ряд приемов, в частности [13]: внушение определенной точки зрения, затягивание процесса, психологическое давление и др. Напр.:

«Судья: Суд ставит на обсуждение участников процесса вопрос о необходимости повторного исследования материалов дела, которые исследовали судом первой инстанции. Константин Викторович, есть необходимость повторного исследования?»

Адвокат: Я считаю можно ограничиться.

Судья: Игорь Сергеевич, ваше мнение.

Пушкарев: Я поддерживаю защитника.

Судья: Следователь, ваше мнение.

Следователь: Я считаю, нет необходимости повторного рассмотрения, вопрос уже полностью рассмотрен.

Судья: С учетом мнения участников процесса суд постановил продолжить рассмотрение апелляционной жалобы без повторного исследования материалов дела, которые исследовались судом первой инстанции, также подробно изучены судом апелляционной инстанции. Участники процесса вправе ссылаться на материалы дела, которые были

исследованы судом. Следователь, Вы свое ходатайство меняете?

Следователь: Да, я хотел бы.

Судья: Есть такое постановление?

Следователь: Постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Судья: Предоставьте, пожалуйста.

Следователь: Да, конечно» (Стенограмма заседания Московского городского суда 10.04.17).

Кроме конструктивных стратегий и тактик, которые используются участниками судебного-процессуального дискурса, существуют и так называемые деструктивные (направленные на явные или скрытые противодействия развертыванию дискурса по ходу судебного процесса [11]). Применение деструктивных стратегий и тактик, как правило, характерно для адвокатов защиты. Сторона обвинения очень редко использует такого рода стратегии и тактики.

Еще несколько ярких примеров, иллюстрирующих механизмы реализации стратегий и тактик в рамках судебного-процессуального дискурса (примеры взяты из скриптов аутентичных фрагментов судебных заседаний по иску о взыскании задолженности, поданному ООО «Веста+» против Министерства образования РФ). Так, анализ фрагментов судебных заседаний, в которых реализуются стратегии обвинения показывает, что наиболее часто применяются следующие тактики: констатация фактов, критика действий подсудимого, логические доказательства.

Например, констатация фактов формируется за счет использования официально-делового стиля, а также стилистически нейтральных слов и канцеляризмов: *«данное соглашение является интеллектуальным подлогом»*. Тактика констатации фактов позволяет участникам судебного заседания открыто устанавливать факты нарушения правовых норм, которые имеют прямое отношение к рассматриваемому делу. Другой характерный пример – тактика логических доказательств, которая реализуется за счет употребления вопросов, сложноподчиненных предложений и прочих

языковых средств, позволяющих выстаивать логические последовательности, связывать отдельные факты в общую картину, например, *«заявление по правилам 161 статьи мы не составляли, так как у этого заявления есть определенный порядок, а мы уже разбирались в четвертом заседании в апелляции»*.

Анализ фрагментов судебных заседаний, в которых реализуются стратегии защиты, показывает, что наиболее часто применяется тактика отрицания вины, а также положительная характеристика подсудимого. Например, тактика отрицания вины основывается на использовании официально-делового стиля, а также стилистически нейтральных слов и канцеляризмов, например, *«данное соглашение, к сожалению, не запрашивалось, однако оно было найдено в одном из наших филиалов, и оно имело неподтвержденные копии»*. Тактика отрицания вины является ответом на тактику обвинения, т.е. сторона защиты приводит определенные доводы, которые направлены на то, чтобы показать несостоятельность предъявленных обвинений.

Таким образом, в судебно-процессуальном дискурсе наиболее часто применяются те тактики, которые направлены, прежде всего, на реализацию основных для судебного разбирательства стратегий (к ним относятся: стратегия получения достоверной информации, стратегии оптимизации допроса и его оптимального режима, стратегия убеждения, изблечение во лжи, стратегия склонения к признанию и др.). Следует отметить, что в судебно-процессуальном дискурсе одна и та же тактика может применяться участниками судебного процесса как в рамках одной стратегии, так и нескольких.

Судебно-процессуальный дискурс – сложное и многоаспектное явление, находящееся на пересечении лингвистики, прагматики, юриспруденции, психологии и т.д. Несмотря на большой объем научно-исследовательских работ, данное направление, безусловно, нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, что, в свою очередь, позволит устранить целый ряд противоречий и неточностей, присутствующих в современной теории судебно-процессуального дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Совет. энцикл., 1989. – С. 136-137.
2. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике (4-е изд.). – М., 2011. – 289 с.
3. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 20-47.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – 308 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс // Монография. - Волгоград: «Перемена», 2002. – 477 с.
6. Крапивкина О. А. О персонифицированном характере современного юридического дискурса // Вестник ИГЛД. – № 4. – 2010. – С. 27-34.
7. Кротков Е. А., Зуев К. А. Проблема типов научного дискурса // Гуманитарные науки. – М., 2012. – № 4 (8). – С. 16-26.
8. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функц. и структурн. аспекты. – М., 2000. – С. 4-17.
9. Мальцев Г. В. Социальные основания права. – М.: «Норма», 2011. – 800 с.
10. Палашевская И. В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход // История и филология. – Вестник Удмуртского университета, 2012. – С. 146-151.
11. Резуненко М.Ф. Стратегии и тактики речевого поведения судей, государственных обвинителей и адвокатов в судебно-процессуальном дискурсе // Автореф. дисс. по филол. – Ставрополь, 2007. – 20 с.
12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35-73.
13. Устинова К. А. Институциональные признаки судебного дискурса // Вестник ЧГУ, 2011. – № 33. – С. 125-127.
14. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и Дискурс: традицион. и когнитивно-функционал. аспекты исслед. – Рязань, 2002. – С. 230-232.
15. Шишкина Е. В. Коммуникативные тактики и стратегии судебного допроса // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. – № 1. – 180 с.